
Прочел книгу Всеволода, сына моего друга Эдуарда Багрицкого, и подумал: сколько же еще не совсем раскрывшихся цветов таланта сожгла война! И поэтому книга Всеволода — это борьба за мир. Она вопиет о мире.

Сейчас Всеволоду было бы уже за сорок. Но ушедшие всегда остаются в том возрасте, в каком они оставили нас. И Всеволод для меня всегда был и навсегда останется тем беспокойным, жаждущим мальчиком, с которым я познакомился у его отца. Поколение, пришедшее после нас, достойно своего предыдущего поколения.

Я не собирался ни рецензировать, ни редактировать эту книгу. Я ощутил ее человеческое благородство и хочу это свое ощущение передать читателю.

Судьба Всеволода складывалась нелегко. В двенадцать лет он потерял отца. Ему было пятнадцать, когда несправедливо арестовали мать. Через год погиб любимый брат. Всеволод с горечью писал: «Мне скоро восемнадцать лет, но я уже видел столько горя, столько грусти, столько человеческих страданий...»

И вот перед нами книга Всеволода. Не забудьте, он не думал о ее издании. Самое замечательное в этой до конца правдивой книге — то, что Всеволод не потерял веры в жизнь и в будущее. 1 августа 1940 года он писал матери: «...Мы с тобой заживем счастливо и забудем обо всем: о пяти годах разлуки, о тяжелых днях, о тоске. Будущее наше, наше, и никаких гвоздей! Верь в это...»

В жизни Всеволода бывали минуты растерянности. Из-за плохого зрения он был освобожден от службы в армии, попал в эвакуацию, рвался на фронт, тосковал, и это настроение его отразилось в записях. Когда он наконец добился отправки на фронт, первое столкновение с войной потрясло его своей жестокостью: беженцы, замерзший ребенок, мать, укрывающая его ковриком, убитый, полузанесенный снегом солдат... Все это вместе с нелегкими довоенными воспоминаниями порой вызывалось у Всеволода тоску.

Но это были только минуты, они проходили, и к Всеволоду возвращалось его молодое отношение к жизни.

16 февраля 1942 года он писал: «Чужие люди окружают меня. Мечтаю найти себе друга и не могу... И я жду пули, которая сразит меня». Но как характерно, что в тот же день он писал: «Очень трудна и опасна моя работа, но и очень интересна. Я пошел работать в армейскую печать добровольно и не жалею. Я увижу и увидел уже то, что никогда больше не придется пережить. Наша победа надолго освободит мир от самого страшного злодеяния — войны».

Это написано за десять дней до смерти.

Мужество и трогательность, неуклонность и застенчивость, любовь к друзьям и ненависть к врагу — этим волшебным светом просвечивает книга Всеволода Багрицкого.

Молодежь! Прочти ее, и ты сразу подружишься с молодым, талантливым, безвременно ушедшим от нас поэтом. Дружба с ушедшим ничуть не слабее дружбы живых.

М. СВЕТЛОВ

**...Вставай же, Всево́лод, и всем во-
лодай.**

Вставай под осеннее солнце!

**Я знаю: ты с чистою кровью рожден,
Ты встал на пороге беселых времен!..**

**...сын мой! Одним вдохновением мы
Нынче палимы. И в свист осенний,
В дикие ливни, в туман зимы
Грозно уводит нас вдохновенье...**

Эдуард Багрицкий

1938-1939гг

ПИСЬМА
К МАМЕ

**Грозою освеженный
Подрагивает лист. ..
Ах, пеночки зелёной
Двухоборотный свист.**

Эдуард Багрицкий

3 февраля 1938 г.

Здравствуй, мамочка!

Пишу тебе первое письмо за шесть месяцев разлуки. Знаешь, столько за это время изменилось, что просто невозможно собраться с мыслями.

Буду писать только о себе. Ты спрашиваешь, чем я интересуюсь. По-прежнему стихами. Написал за твое отсутствие стихотворений шесть.

Как ты себя чувствуешь? Ничего, мамочка, держись.

Учусь, что называется, с прохладцей. Но четвертные отметки ничего. Привожу в точности.

	1 четверть	2 четверть
химия	плохо	отл.
русский (устн. и письм.)	пос.	пос.
литература	отл.	отл.
немецкий	отл.	отл.

алгебра	}	пос.	пос.
геометрия			
история		пос.	пос.
анатомия		отл.	отл.
физика		отл.	отл.
география		пос.	хор.

Не знаю, какие отметки будут в третью четверть. Ну, да это неважно.

Очень, очень много произошло перемен. Почти все мои товарищи в таком же положении, как я. В каникулы был в Ленинграде. Жил у Люси¹. Потом привез ее в Москву. Она здесь разыскивала маму.

Я очень повзрослел. От одиночества начал читать философов. Живу как холостяк. Свою комнату отдал Колосовым², живу в папиной. Но из-за нее меня чуть-чуть не уpekли в интернат.

Стал думать о жизни, чем раньше никогда не занимался. (Потому и читаю философов.) После смерти Игоря³ в первый раз понял, что такое смерть.

Внешне, думаю, за это время особенно не изменился.

Хожу на декадники — кружки, на которых

¹ Елена (Люся) Боннэр, до 1938 года училась с Севой в одном классе.

² Марк Борисович Колосов — писатель. Багрицкие и Колосовы жили в одной квартире.

³ Игорь Россинский — двоюродный брат Севы, сын Ольги Густавовны Олеша.

мóлые поэты читают свои произведения. Эти декадники бывают в «Огоньке» и «Молодой гвардии». Большинство пишет плохо.

Летом, если можно будет, поеду к тебе. Я же весной получаю паспорт, так что не только морально, но и официально буду совершеннолетним.

В одном моем стихотворении есть такие строчки:

**И попугай своим широким клювом
Вытягивал копеечное счастье.**

Это стихи о нас, о нашей жизни. Этих стихов сейчас тебе не посылаю, так как они еще недоработаны.

В другом стихотворении есть такие строчки.

**И помнится первое ружье
И первый игрушечный слон.**

Содержание этого стихотворения — мир, близкий мир, стоящий за моим окном. Мир, разграфленный, как тетрадь, на определенные события, приключения, возможности. Мир вдохновения. Этот мир за окном. Я — поэт. Сидя в комнате, наполненной чадом, пишу об этом мире. Я приглашаю молодого человека, который объяснил бы мне жизнь с ее трагическими событиями. Я задаю ему вопросы, но он отвечает не так, как отвечал

бы я. Потом он уходит. Тогда ко мне входит мир — мой друг, мое вдохновение. Я пишу о нем. Я его рисую. У нас с ним одни мысли, и «гостю ушедшему моему мы вместе махнем рукой».

В начале составил характеристику одного стихотворения, в конце — другого. Первое без названия, второе — «Гость».

Ну, до свидания, мамочка. Целую тебя крепко, крепко.

В. Багрицкий

Из кухни чад налезал столбом,
Давил на лоб, на глаза...
(А мир за окном и дождь за окном,
Как мне их осязать!)
За дверью ходят взад и вперед,
За дверью — толкотня.
И примус шипит,
И ребенок орет,
И кто-то зовет меня.
(А мир за окном.)
И детство мое
Плывет, как забытый сон.
И помнится первое ружье
И первый игрушечный слон.
(Но мир, как тетрадь, разграфлен дождем,
И кляксы морей выпирают на нем,
И детской рукой нарисован дом
С моим небольшим окном.)
Но вот уже вечер уходит прочь...
И вздрагивает тишина.